

Введение

Когда-то у меня была лошадь по кличке Нина, техасская паломино, с золотисто-желтыми бликами на туловище и светлой гривой. Седлая ее, я испытывал полное ощущение причастности к чуду Творения. В тот момент мои ноги не чувствовали опоры, а скорее находились в воздухе, и я словно парил между землей и небом. Верховом на Нине я мчался, минуя времена года.

Благословение Господа, среди прочего, проявляется в смене сезонов — сопровождаемый его нежным дыханием, я ощущал различные запахи, становясь то ветром, то листом оливкового дерева, то ласточкой.

На протяжении всей жизни я всегда старался ездить верхом, а мой путь сопровождала музыка. Я седлал музыку. Время от времени я то мчался энергичным галопом, то осторожничал, переходя на шаг. Порой музыка играла в моей жизни роль ковра-самолета, волшебным образом переносила меня в разные уголки мира.

Так, подобно временам года, пролетали сезоны моей жизни. Нынешний я называю «четыре раза по двадцать». Четыре раза по двадцать — восемьдесят. На самом деле — восемьдесят один.

Запуская руку в седельную сумку бытия, я выхватываю четыре великие главы. Как же здорово, как мне повезло! Нередко за удачу, которая выпадала на мою долю, я не мог отблагодарить никого, кроме себя: *homo faber fortunae suae*¹, как говорили латино. Как бы

¹ Латинская фраза, означающая «человек — кузнец своей судьбы». *Прим. пер.*

то ни было, я всегда буду благодарен за захватывающее приключение, которое продолжается — день за днем.

Кто-то спросит меня: Альбано, зачем ты написал еще одну книгу? Отвечаю сразу: общение с людьми — моя безграничная страсть, с годами не ослабевающая ни на йоту. Всю жизнь я провел в общении — в основном с помощью музыки и голоса. Кроме того, зачем мне ждать, пока обо мне напишут другие? Вот вам и еще одна причина, по которой я веду рассказ самостоятельно. Читая о себе те или иные фальшивые новости, я думаю, о ком они говорят? Уж лучше я сам поведаю эту историю, от первого лица.

Общение — настойчивая потребность художника, помогающая ему выражать скрытые эмоции. Каждый использует удобный инструмент: кто-то творит с помощью кисти и холста, другой — пользуется долотом и куском мрамора, а кто-то, как и я, пишет песни.

Я рассказываю о себе, о людях, сопровождающих меня в моем путешествии. Об учителях, которые обогащали меня с гуманистической точки зрения. Рассказываю о местах и моментах, о любви, боли, надежде, разочарованиях, предательствах, дружбе, солнечных, туманных и дождливых днях... И совсем немного о снеге, учитывая место, где я живу.

Я хочу изобразить мир с высоты прожитых лет.

Иной считает, что в восемьдесят лет человек вступает в зиму жизни. Этому периоду присуща неспешность, размышления, покой. Я так не думаю — едва ли верю, что в моей жизни наступила зима. Прежде всего, я не терплю холод и неподвижность льда, от которых сжимается сердце. Ни холод, ни людей, лишенных внутренней теплоты. Нет, никакой зимы мне не надо. В глубине моего сердца очерчен личный согревающий «экватор», выраженный в вечном желании братья за новые, неизведанные пространства. Пускай меня называют «маэстро», «учителем» — едва ли я могу носить это звание. Скорее, я ученик, желающий каждый день узнавать что-то новое.

Внутри я ощущаю безграничное, удивительное тепло! О зиме нет и речи. Мои мысли, эмоции и действия навсегда поселились

в умеренном климате, где ни разу не выпадал и уже никогда не выпадет снег. Здесь круглый год царит весна или, лучше сказать, вечное лето. Я сравниваю свой внутренний мир с вечнозеленым красочным лесом. Старик черпает мудрость в вечной весне, живущей в его сердце.

Конечно, моему телу больше не доступны трюки, которые я выделывал в молодости, когда прыгал как народ масаи в Кении. У них есть танец «адуму» — прыжки на месте, невероятные атлетические движения. Я несся по жизни, подобно этому танцу, бросаясь с головой в водоворот событий, полагаясь на случай. При этом чаще всего я пребывал в уверенности, что все будет прекрасно!

Сегодня я перешел на шаг. Я иду, держась за руку мудрости, плода опыта, и мои движения приобретают иное измерение.

Я обнаружил, что стал более рассудительным. Не то чтобы раньше был опрометчивым — нет, никогда, я всегда думал головой, но отныне мои размышления стали более зрелыми и конкретными. В каком-то смысле это новый, радостный опыт. Я не знаю, что случится завтра, через месяц или год, просто спокойно и разумно исследую эту неизведанную территорию.

Теперь я могу тщательнее сосредоточиться на детстве — первом сезоне жизни. Возможно, воспоминания о далеких годах — особенность моего возраста. Проводя много времени в раздумьях и сравнении, я понимаю, что в прошлом жил в сумасшедшем темпе, не всегда до конца понимая, что со мной происходит. Теперь, окруженный детьми и внуками, пережив болезни и изучив самые мрачные стороны существования, когда большая часть жизни позади, я многое осознал.

Например, обнаружил, что в детстве мы росли в условиях великого богатства бедности. Я родился в месте, где все жили одинаково, что позволяло мне думать, будто по-другому и не бывает. Мы, бедняки, обладали настоящей суперсилой, заключенной в умении проживать тяжелые дни с неизменной улыбкой на лице.

В те дни я только учился жить. Дома, пожалуй, не было ни одной книги. Изо дня в день я мог читать лишь одну надпись, которая красовалась на стене по воле отца. Она гласила: «Жизнь — это тяжелая борьба». Это было первое, на что падал мой взгляд после пробуждения на протяжении семнадцати лет. Примечательно, что я не видел в этом послании негатива — напротив, оно хранило в себе реальность и гордость, призыв к борьбе, к тому, чтобы я никогда не сдавался.

Отец не отличался ласковым отношением. Верный лозунгу на стене, он желал закалить мою натуру. Однажды наступит момент, когда ты должен быть готов. Если ты достаточно закален, то сможешь действовать, а иначе — все кончено.

В моем случае это оказалось правдой. Я никогда и ни перед чем не пасовал, даже сталкиваясь с такими препятствиями, заставляющими согнуть колени, масштаб которых во много раз превышал заложенные во мне силы. Я говорю об окончании брака, потере дочери, инфаркте, раке, ишемии, проблемах с голосовыми связками и признаю, что всегда находил выход из любого самого темного туннеля.

Размышления подобного рода — это подведение итогов? Так давайте же приступим! Поговаривают, что в моем возрасте как раз подходящая пора. Не знаю, может, взвешивать победы и поражения, радости и печали — результат инстинктов, берущих надо мной верх. Но я не хочу подводить итоги. Моя цель — осознать красоту жизни во всех ее проявлениях. В моем случае она оказалась невероятно насыщенной и полной сюрпризов.

И превосходящей все мои грезы.

Часть 1.
Первые двадцать
1943–1963

*Песня может протянуть еще долго после того,
как превратились в прах и сны события и люди,
про которых в ней говорилось. Такова сила песен.*

Нил Гейман ¹

Я никогда не смогу в полной мере отблагодарить родителей за свое появление на свет в разгар весны — времени года, которое неизменно несет за собой обещание яркости, цвета, перемен.

Природа в поиске солнца пробуждается после долгой спячки, пытается взять реванш за холод и тишину, царившие зимой. Весна полна воздуха и призывает к полету, пению, свободе.

Рождение, детство, юность и раннюю молодость я дерзну назвать личной весной и включить в первые главы книги моей жизни.

На ее страницах — череда пестрых, суровых, романтических и даже злых персонажей, которые тоже становились для меня то учителями, то примерами для подражания. Однако чаще моего внимания был достоин единственный идеал — тот, который я придумал сам, и до которого, как я был уверен, неизбежно дорасту в будущем. Это воплощение, которое находилось за световые годы от отправной точки, устремленное вперед

¹ Перевод В. Гуриева. Сыновья Ананси / Нил Гейман. — Москва: Издательство АСТ, 2014. *Прим. ред.*

и вверх, к Луне и Солнцу, и составляло мне компанию основную часть времени.

Моя весна — время работы с землей, моря пота, уроков, поэзии, которой пропитано все мое тело. Она прошла в путешествиях к мечте, пока я учился трудиться.

Голову не покидало обещание, которое я дал себе. И отцу.

На кону — будущее.

1. Это будет наше счастье

Я родился 20 мая 1943 года в коммуне¹ Челлино-Сан-Марко, провинции Бриндизи.

Меня назвали Альбано по воле отца, который в это время находился на албанском фронте. Во время беременности матери он сражался против греков. «Назови его Альбано, это будет наше счастье», — писал он ей. Албанский народ в те военные дни хорошо к нему относился. Холодными зимними ночами албанцы предоставляли укрытие в каком-нибудь доме или кормили папу. Так мое имя стало выражением благодарности к этим людям.

Позже, после записи первых песен для Клана Челентано², мое имя разделилось на две части и стало звучать как Аль Бано. В то время в моду вошли англосаксонские псевдонимы, чтобы придать музыкантам и актерам международный статус. Так Альдо Капони стал Доном Баки, Риккардо Санна — Рикки Джанко, а я — Аль Бано. А все гадали, что означает «Аль»...

Когда я появился на свет, мой отец Кармелло был далеко от дома. Он воевал, точнее, находился в немецком лагере для военнопленных. Немцы забрали его с албанского фронта и вместе с множеством

¹ В Италии коммуна — административная единица третьего уровня, примерно соответствующая муниципалитету или муниципальному образованию в других странах. *Прим. пер.*

² Итальянский лейбл звукозаписи, основанный Адриано Челентано в 1961 году. В 1965 году Челентано организовал конкурс «Новые голоса», в котором победил начинающий певец Аль Бано и был в итоге принят в студию. *Прим. пер.*

других депортированных, забитых в товарный поезд, доставили в Вецлар рабочим на оружейный завод. Много лет спустя я узнал, что Вецлар вдохновил Гете на написание знаменитого романа «Страдания юного Вертера».

По пути поезд с пленными проезжал Вену. Отец хорошо знал о ней — родине вальса и великой музыки, но не смог даже одним глазком увидеть ее — в вагоне не было окон. Спустя годы я привез его в Вену, но к тому времени отец полностью потерял зрение. Судьба-насмешница...

«Я обречен никогда не увидеть Вену...» — с покорностью отмечал отец.

В лагере-фабрике Вецлара содержались люди всех национальностей. Русские заключенные часто повторяли фразу, которую впоследствии вспоминал отец: «Работа, работа... помалу...» — говорили они, имея в виду, что следует не прекращать работать, но медленно. Работать энергично не представлялось возможным — потому что из-за вопиющего голода у людей не было сил. Отец похудел до 42 килограммов.

Он рассказывал мне, как однажды украл с кухни картофельные очистки, задумав сварить их в жестяной коробке и хоть немного насытиться. Но папа не успел — его заметили немцы, отвели в подвал и избили до потери сознания, оставив лежать на земле. Так отец рисковал жизнью в попытке утолить голод.

Когда пришли американцы, то они освободили всех узников. Воцарилась большая суматоха, во время которой толпы народа бежали и уносили с собой все, что попадалось на пути. Отец где-то отыскал и схватил серебряные тарелки, кларнет и даже аккордеон, хоть и не умел на них играть.

Тем временем мама Йоаланда жила в доме Анджело Карризи, моего дедушки. Она давно не получала писем от мужа. «Твой муж умер в горах. Бесплезно ждать», — то и дело твердил свекор, тяжело ранив ее словами. При этом в глубине души мама чувствовала, что тот еще жив.

Дед Анджело не был злым, просто он страдал. Позже я расскажу, как удары судьбы превратили его в циничного пессимиста.